

З. И. КОМАРОВА, А. С. ДЕДЮХИНА
(Екатеринбург, Россия)

КАТЕГОРИЯ КАК ФОРМАТ ЗНАНИЯ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ, КОГНИТИВНОМ ТЕРМИНОВЕДЕНИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье доказывается, что глубинная, понятийная категория с когнитивных позиций является форматом знания. Обосновывается необходимость синтеза традиционных и инновационных трактовок. Показаны основные научные результаты изучения языковых категорий в общем языке и научных категорий в специальных подъязыках.

Ключевые слова: предпосылочное знание, концептуализированное знание, категория, формат знания, когнитивная лингвистика, когнитивное терминоведение.

Мы не можем *мыслить* ни одного предмета иначе как с помощью *категорий*, мы не можем *познать* ни одного мыслительного предмета иначе как с помощью созерцаний, соответствующих *категориям*

(Иммануил Кант)

Вопрос изучения мыслительной основы языковых структур и их речевых реализаций рассматривается в современной лингвистической и терминологической парадигмах в качестве одного из важнейших.

Данная статья входит в общий ряд работ, отражающих особый интерес в современном отечественном и зарубежном языкознании и терминоведении к глобальной проблеме структурирования человеческого знания о мире в языке (речи), тексте, дискурсе. В рамках когнитивного подхода к языку как две центральные его проблемы рассматриваются структуры представления различных типов знания в языке и способы концептуальной организации знаний в процессах построения и понимания речевых сообщений.

Интересы исследователей междисциплинарных программ в когнитивной лингвистике актуализировали кардинальную проблему современности: *типы знания и их вербализация в языке* [18, с. 26–34; 44; 55].

Основной аспект проблемы — сущность такого междисциплинарного феномена, каким является *знание*, имеющее трехтысячелетнюю традицию изучения: от древнегреческой философии до когнитивистики, в которой оно рассматривается в качестве одного из ключевых понятий.

В когнитивной лингвистике, как известно, *знание* и *информация* синонимизируются [31, с. 28].

Объективным основанием для этого является учет современной *техногенной цивилизации*, когда “атомами” мироздания стали не только *вещество* и *энергия*, но и *знание* и *информация*, на базе чего возник “союз информатики и языкознания” [2, с. 5].

В современной информатике информация понимается как “всеобщая генеративная основа Вселенной, всё, что внутри нас, вне нас и во всей Все-

ленной, т. е. вездесущая информация” [54, с. 62]. Изучение этих двух базовых понятий (информация и знание) позволяет выделить четыре основные концептосферы: физисфера, биосфера, социосфера и техносфера, а также начавшееся формирование наносферы [26, с. 59].

Поскольку “центральная проблема когнитивной лингвистики — построение модели языковой коммуникации как основы обмена знаниями” [41, с. 91], а “языковая категоризация может быть понята как изоморфная содержательным структурам знания” [32, с. 11], то в соответствии с этим выделяются основные типы знания: естественнонаучное и биологическое (как его разновидность), социологическое, включающее языковое и лингвистическое, и техническое, которые активно взаимодействуют в информационном континууме, что является методологически важным для эмпирических исследований.

Следует отметить, что эти типы знания по-разному осмыслены и освоены языком. Так, до недавнего времени технические науки понимались как прикладное естествознание, и только к началу нового века было осознано само понятие техника, как и “технические артефакты, выступающие как ценностно-символическое бытование человека” [15, с. 246]. В наши дни связь типов знания инициируется философами и учеными в виде вектора: гуманитарное → техническое → естественнонаучное (В. Г. Горохов, В. А. Канке, М. А. Розов, В. С. Степин, В. В. Чешев).

Второй аспект проблемы, самым непосредственным образом связанный с первым, заключается в том, что оба эти понятия (информация и знание) проецируются на язык, который в свете современной концепции лингвистической философии [15, с. 261] осознаётся как форма представления знаний, а содержательная сторона языковых единиц как определенным образом *категоризованная информация*, представленная в виде двух основных типов знания, изучаемых когнитивной лингвистикой, — *энциклопедический* (знания о мире, т. е. обо всех четырех концептосферах), *языковой* (знания об устройстве, функционировании, использовании языка и манипулировании им), которые принципиально не противопоставлены друг другу, а гносеологически *синкретичны*¹, поскольку, по Г. Г. Гадамеру, язык есть “предистолкованность мира”.

При этом знания, энциклопедические и языковые, “приходят” к человеку по разным каналам познания: в обыденном, чувственном восприятии мира и человека в нем — *обыденные знания*; в процессе научного познания — *научные*, а также в ходе предметно-познавательной и профессиональной деятельности людей — *специальные, профессиональные*, и они активно взаимодействуют между собой: обыденные знания как опережающие и опосредованные включаются в научное познание, и оба вида знания используются в профессиональной деятельности, профессиональном знании.

Перейдем к вопросу о форматах знания, под которым в когнитивной лингвистике понимается “определенная форма или способ представления знаний на мыслительном или языковом уровнях” [4, с. 5].

¹ Можно предположить, что знания о мире “встроены в язык” [32, с. 9; 37, с. 172–173].

Самые старые, традиционные *форматы знания*, — *текст*, сущность и значение которого прекрасно выразил М. М. Бахтин: это “есть первичная данность (реальность) всякой гуманитарной дисциплины” [3, с. 294], а точнее — *дискурс* “как высшая реальность языка” (по Е. С. Кубряковой), вписанные в эволюцию культуры и цивилизации с конца IV и начала III-го тысячелетия до н.э.; во-вторых, *словари (справочники)* и их составляющие — *словарные статьи, толкования / дефиниции*, существующие более двух тысячелетий; в-третьих, *грамматики*, ведущие свое начало с грамматики Панини (5–4 вв. до н.э.).

Заметим, что значимость первого и третьего формата знания была осознана как-то изначально, тогда как только к середине XX века человечество осознало непреходящую научную и культурную роль словаря как наиболее адекватной формы манифестации любого типа знания, и поэтому, по образному выражению видного французского лексикографа А. Рея, “современная цивилизация есть цивилизация словаря” [цит. по: 20, с. 40].

С первым типом формата знания (текст, дискурс) сближаются *корпуса национальных языков* (2-я половина XX в.), а со вторым, по мнению В. М. Лейчика, *БД* (базы данных) и *ТБД* (терминологические базы данных), а на их основе — *БЗ* (базы знаний) и *ТБЗ* (терминологические базы знаний), которые можно рассматривать как “развитие терминологических словарей в сторону автоматизации поиска упорядоченной терминологической информации” [38, с. 214–215].

Объединяющим началом всех этих форматов знания является то, что они как “первичная данность” (по М. М. Бахтину) или “самоочевидная достоверность” (по В. С. Соловьеву) делают умозрительное знание очевидным и одновременно — концептуализированным.

Подчеркнем, что *концептуализированное знание* — это, во-первых, введенное в систему наличной информации путем обоснования этим наличным — *предпосылочным знанием*; во-вторых, представленное в тексте (дискурсе, словаре, грамматике, корпусе) сквозь призму категориальной сетки; в-третьих, осмысленное автором с точки зрения собственных приоритетов и ценностей; в-четвертых, опредмеченное в текст (дискурс, словарь, грамматику, корпус), в котором “оно подчинено законам речевого воплощения (устоявшимся стереотипам и нормам), продиктованным целями и задачами коммуникации в конкретной области деятельности” [11, с. 89].

Следует сделать пояснение в отношении используемого термина — *предпосылочное знание*. Онтологический аспект знания организуется в трех его составляющих: *старое знание*, т. е. полученное ранее и объективированное в уже существующих форматах знания; *новое знание*, полученное лично автором вновь создаваемого формата знания и *прогнозируемое знание* — гипотетическое, возможное знание [25, с. 49; 30, с. 109].

Считаем, что термин *старое знание* является неточным, выражает “размытое” понятие, потому предпочтение отдаем термину *предпосылочное знание*, под которым понимаем ту часть наличного, предшествующего знания, которое используется автором для обоснования нового знания, с учетом “видения как” (по Дж. Серлю), или “фокуса” познающего субъекта (по У. Л. Чейфу) [30, с. 110].

Что касается других форматов знания, выдвинутых когнитивной лингвистикой, — концептов (Дж. Лакофф, Р. Джекендофф, Л. Талми, Дж. Фодор; В. Д. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац, Р. И. Павиленис, Ю. С. Степанов); схем, образов, гештальтов (Дж. Лакофф, Ф. Растье, У. Л. Чейф, Р. Шенк, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. В. Рахилина); скриптов (Р. Шенк, Р. Р. Abelson, S. Monteel); ситуационных сценариев (Дж. Барвайс, Дж. Мэй, А. Paivio, Ч. Дж. Филлмор, Р. Шенк; Е. В. Падучева); фреймов (Т. А. ван Дейк, Р. Гофман, М. Минский, Ч. Дж. Филлмор, Е. С. Кубрякова, В. Б. Касевич, Р. М. Фрумкина); пропозициональных моделей (D. Norman, D. Rumelhart, Дж. Лакофф, Ф. Растье, П. Коул, Е. В. Падучева); категорий (Дж. Лакофф, Ф. Растье, Р. Джекендофф, Дж. Серль, Ч. Дж. Филлмор, Х. Патнэм, Е. В. Падучева, Е. С. Кубрякова, Ж. Клейбер, Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев), — то это процессуальные (опытные) ментальные структуры (репрезентации), которые участвуют в категоризации и концептуализации мира.

Все сказанное, полагаем, объясняет то, что *категория* — особый формат знания, а именно — *основной*, поскольку все знания о мире, самом человеке и его языке хранятся в нашем сознании в *категориальной форме* [16, с. 117] и все входящие в картину мира объекты *категоризованы*, упорядочены, а потому человек воспринимает мир в таксономической “обработке”.

Подчеркнем, что разработка проблемы *категория и язык* является важным аспектом в исследовании вопроса о соотношении языка и мышления, поиски ответа на который ведутся учеными уже много столетий, начиная с трактата Аристотеля (384—322 г. до н. э.) “Категории”, в котором выделяются 10 основных понятийных категорий бытия: *субстанция, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание*. Далее эти понятийные категории либо расширились (12 — у И. Канта), либо сужались (4 — у Платона, 3 — у Р. Декарта и Дж. Локка).

Однако неизменным оставалось то, что эти понятийные категории характеризовались необходимыми и достаточными для их опознания чертами, которыми должны обладать все входящие в определенную категорию представители. “Исключительная ценность этого понятия для всех наук и научного мышления не может быть поставлена под сомнение” [31, с. 45]. В связи с этим представляется особенно ценным изучение категорий, учитывая их более чем двухтысячелетнюю вписанность в эволюцию культуры.

По мнению Лакоффа, изменение взгляда на категорию в когнитивистике с 80-х годов XX в. связано с пересмотром самого процесса *классификации* предметов и явлений мира и человека в нем [36, с. 17]², когда категории и стали рассматриваться как особый формат знания: *категория* — это концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на осно-

² Детальный анализ классификационной деятельности человека (этапы: мифологический, логический, гностико-натурфилософский, схоластический, естественно-исторический, рационально-позитивистский, математико-статистический, таксономический, когнитологический) дан в работе: Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Из истории типологических представлений // Структурная и прикладная лингвистика. — СПб., 2008. — Вып. 7. — С. 328—390.

ве общего концепта. Другими словами, это знание и класса объектов, и того общего концепта, который служит основанием для объединения этих объектов в одну категорию [4, с. 6].

Интерес лингвистов направлен на соотношение понятийных и языковых категорий³. В настоящее время можно говорить о трех основных подходах к трактовке языковых категорий в лингвистике: *структурном* (по типу оппозиций); *функциональном* (полевым) и *когнитивном* (прототипическом) [4, с. 6].

Структурный подход обогатил теорию категорий результатами изучения бинарных оппозиций, к примеру: категории *качественности* — *количественности*, *определенности* — *неопределенности*, *дискретности* — *континуальности* и т. д. Но одновременно была выявлена и ограниченность этого подхода, при котором континуальные, недискретные языковые единицы, с явлениями асимметрии, трудно укладывались в жесткие, дискретные рамки категорий.

Функциональный, полевой подход, базирующийся на принципе семантической инвариантности / вариативности позволил интерпретировать соотношение понятийных и языковых, семантических категорий, особенно в теории функционально-семантических полей (ФСП) как “национально детерминированной реализации семантических категорий” [10, с. 76]. Считаем продуктивной идею М. В. Всеволодовой понятийные категории относить к категориям *Языка*, а их реализацию в каждом языке вслед за А. В. Бондарко именовать категориями *функционально-семантическими* [10, с. 76], имеющими в языке несколько рангов (А. В. Бондарко, Н. Н. Болдырев, М. В. Всеволодова и др.).

Когнитивный подход к проблеме категорий, рассматриваемый как компромисс между платоновским взглядом (на дискретность категорий) и витгенштейновским (недискретности категорий и размытости границ между ними), базируется на прототипическом подходе в трех его основных концепциях [31, с. 140–145].

Нам наиболее оптимальным представляется поиск прототипа в духе Э. Рош [55] и установка на базисный уровень категоризации. Установка на базисный уровень объясняется в стандартной версии теории прототипов тем, что связываемое с этим уровнем целостно-образное восприятие обеспечивает наилучшим образом систематизацию знания. Как пишет Дж. Лакофф, “хорошие гештальты когнитивно просты, легко изучаются, легко запоминаются и легко употребляются” [37, с. 695].

К тому же при когнитивном подходе всё чаще категории рассматриваются не в бинарной оппозиции, а как самостоятельные. Так, в наших исследованиях в качестве самостоятельных объектов лингвистики глубинные

³ См. работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, О. Есперсена, Ф. Брюно, И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона, А. В. Акуленко, М. А. Булатова, М. М. Гухмана, Н. А. Кобриной, М. М. Копыленко, Г. Г. Кругликовой, У. Лабова, Т. В. Булыгиной, А. В. Шмелева, В. В. Химика, Л. Д. Чесноковой, Т. И. Цветковой, С. А. Атанасовой, И. Б. Долининой, Д. И. Руденко, С. А. Швачко и др.

понятийные категории единичности и партиитивности, которые через семантические функции становятся *категориями Языка*, изучаются именно с этих методологических позиций, что позволило вскрыть антропоцентрический характер этих категорий и выявить их прототипические и модификационные концептуальные смыслы [26–30].

За последние два десятилетия исследованиями лингвистов-когнитологов обосновано новое понимание категории “как функции когниции и коммуникации” [33, с. 5] и ясное осознание того, что “вся деятельность по категоризации мира, то есть распределение по особым группировкам, классам и т. п. — по КАТЕГОРИЯМ, носит всегда в конечном счете ЯЗЫКОВОЙ ХАРАКТЕР” [34, с. 14], объективируя всю информацию, поступающую к человеку извне, притом как в обычной жизни, так и в научной деятельности.

В связи с этим различается языковая и научная категоризация и концептуализация.

Однако, говоря о научной категоризации и концептуализации, мы уже вступаем в круг проблем терминоведения.

Под терминоведением мы понимаем междисциплинарную науку о терминах и их сообществах: терминологиях (стихийно сложившихся совокупностях терминов) и терминосистемах (естественно-искусственных образованиях с эксплицированными системными свойствами и связями) [19–20].

Как отмечает В. А. Татаринев, развитие терминоведения “не было столь однозначным и прямолинейным, чтобы можно было с уверенностью сказать, где, когда и как зародилась наука о терминах” [48, с. 121]. Можно лишь уверенно утверждать, что вся история термина — это история попыток человечества сделать слово-термин совершенным орудием мысли, орудием познания, как обыденного, так и научного.

Зачатки лингвистического и терминологического знания возникли в глубокой древности в рамках обыденного познания, а затем логико-философского подхода. Поэтому так называемый “подготовительный этап” развития терминоведения растянулся на два с половиной тысячелетия и формировался под влиянием двух противоборствующих философских традиций: логицизма и психологизма.

С XVII века термин прочно ассоциируется с наукой и историей науки (см.: Л. Ольшки “История научной литературы на новых языках”, 1919–1927, рус. перевод 1933–1934). Во многом тому способствовала философская идея идеального языка науки.⁴ Прологом к этому выступает картезианская идея всеобщей математики (*mathesis universalis*), а импульсом создания идеального языка науки явилось осознание недостатков естественного языка — орудия обыденного общения и познания (Ф. Бэкон, Л. Виттгенштейн, Г. Лейбниц, Б. Рассел, Г. Фреге).

“Золотым” веком науки признается XIX век — время формирования научных методов и научных парадигм [46, с. 520]. Именно с первой трети

⁴ О проблемах современного языка науки см. Н. Б. Гвишиани, С. Е. Никитина, З. И. Комарова.

XIX века ведет свое начало лингвистика как наука, когда появился её первый научный метод — сравнительно-исторический. В лоне лингвистики и продолжилось накопление знаний о термине, что дало основание некоторым лингвистам считать терминоведение отраслью языкознания [48, с. 230]. Но при этом не учитываются другие источники знаний о терминах и терминологиях: прежде всего — л о г и к о-ф и л о с о ф с к и е (Аристотель, Г. Гегель, Э. Гуссерль, И. Кант, С. Милль, В. Уэвелль, П. А. Флоренский, Г. Г. Шпет и др.).

Но и в XIX веке специальных работ, посвященных проблемам термина и терминологий, ещё не появилось. Обычно в работах крупных лингвистов сведения о терминах имели характер попутных замечаний (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский, Г. Пауль, А. А. Потебня и др.). Исключение составляли немногочисленные работы, в которых критиковались вновь возникающие в науках термины.

Как видим, говорить о возникновении терминоведения явно преждевременно: пока это лишь “подготовительный” период.

Всё сказанное дает основание считать, что **первый этап** развития терминоведения приходится на начало XX века, а точнее — на 30–60-е годы XX века⁵. Основателями и классиками отечественного терминоведения признаны Д. С. Лотте, Э. К. Дрезен, Я. К. Климовицкий, В. С. Кулебакин, А. Ф. Лесохин, Д. М. Терпигорев, С. А. Чаплыгин; лингвисты — Г. О. Винокур и А. А. Реформатский.

Второй этап — конец 60-х–70-е годы XX века — ознаменовался институционализацией терминоведения как самостоятельной науки (см. работы Б. Н. Головина и В. П. Петушкова).

Третий этап — 80-е годы XX века до середины 90-х годов — этап зрелости терминоведения как интегративной науки и этап формирования отечественных терминологических школ как показателя этой зрелости.

Четвертый этап — начался с середины 90-х годов XX века и продолжается в XXI веке. Его можно назвать периодом формирования терминоведения как метадисциплины, создания обобщающих концепций и перехода к когнитивному терминоведению [24, с. 140–142].

Поскольку решение проблемы возможно только в рамках строго определенной научной парадигмы, то перейдем к последовательному рассмотрению обозначенной проблемы на каждом этапе развития терминоведения и ведущей в нём парадигме.

На **первом, прототерминологическом, этапе** [24, с. 141] в основном шло накопление терминологического материала. Характер исследований можно обозначить как “нормоцентрический”, или **н о р м а т и в н о-п р е с к р и п т и в н ы й**, поскольку точкой отсчета в этих исследованиях было представление о недостатках стихийно сложившихся терминологий. Были сформулированы требования, предъявляемые к “правильным” терминам.

⁵ В ряде обобщающих современных работ по терминоведению даются и другие периодизации развития терминоведения (см., например, работы В. М. Лейчика и С. В. Гринева).

Основной целью исследований было создание “правильно построенной терминологии”, в которой достаточно полно должен проявиться изоморфизм системы понятий и системы терминов.

Следует подчеркнуть, что на этом этапе вклад представителей технического знания в разработку проблемы категорий поистине неограничен. Так, Дмитрий Семенович Лотте (1898–1950) правомерно считается основоположником отечественной школы терминоведения, поскольку именно он в серии работ 30-х годов (“Очередные задачи технической терминологии” (1931); “Задачи и методы работы по упорядочению технической терминологии” (совместно с акад. С. А. Чаплыгиным), “Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов” (1940), в которой особенно наглядно проявились методологические установки автора и ряда других, которые затем вошли в его основной труд “Основы построения научно-технической терминологии” (1961)) наметил состав понятийного аппарата новой дисциплины (*понятие, классификация понятий, понятийные системы и типы отношений между ними, прежде всего: родовидовые и часть–целое*) и особенно — проблему категоризации специальных технических понятий. Его подход к когнитивной сущности термина и его гносеологическому назначению отличается в высшей степени научностью.

Другой классик терминоведения, Эрнест Карлович Дрезен (1892–1937), свои теоретические взгляды по онтологическим и гносеологическим аспектам терминологии изложил во второй главе книги “Стандартизация научно-технических понятий, обозначений и терминов” (1934), дополнившие воззрения Д. С. Лотте.

Вклад других сотрудников КТТ (Комитета технической терминологии АН СССР) в формирование логико-понятийной сущности термина является также значительным: А. М. Терпигорев (1873–1959) сделал акцент на системности термина и его сообщностей, имеющей прежде всего понятийный (концептуальный) характер, что близко основным идеям Я. А. Климовицкого (1897–1971), который в статье “Некоторые методологические работы над терминологией науки и техники” (1969) обозначил широту теоретической и практической проблематики терминологических исследований и необходимость использования методов логики и лингвистики и результатов теории познания, поскольку закономерности образования и развития понятий изучаются именно теорией познания, что в целом и обуславливает сложность, комплексность и своеобразие терминологической работы.

Однако необходимо отметить двойственность позиции исследований этого периода: часть их теоретических воззрений на сущность термина, терминологий и терминосистем *концептуальна*, например, динамизм понятий и определений терминов, но в конкретных требованиях, предъявляемых к термину, превалирует *аксиологичность и ортологичность* (оценка правильности и нормативности термина). Всё это позволило Д. С. Лотте создать категориальную модель технической терминологии, состоящую из четырёх основных категорий: *категории предметов*,

категории процессов и явлений, категории свойств, категории качеств и величин [39].

Стремление осознать место термина в мыслительной деятельности человека мы находим в работах лингвистов этого периода.

Так, в работе под очень скромным названием “О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии” (1939) Григорий Осипович Винокур (1896–1947) по сути излагает достаточно цельную общетерминологическую программу изучения термина и его сообщностей на широком логико-философском (Э. Гуссерль, Дж. Ст. Милль, В. Уэвелль, Г. Г. Шпет и др.) и лингвистическом (Ш. Балли, Ф. Брюно, О. Есперсен, А. А. Потебня и др.) фоне, пытаясь выйти за пределы официальной идеологии и философии того времени. В связи с этим эта великолепная работа не утратила своей значимости и в наши дни⁶.

Другой классик отечественного терминоведения, Александр Александрович Реформатский (1900–1978), стоявший в оппозиции к Г. О. Винокуру, занимался проблемами терминоведения всю свою творческую жизнь, но в оценках современных терминологов (С. Е. Никитина, А. В. Суперанская, В. А. Татаринев и др.) предстаёт фигурой “трагической”.

С одной стороны, его идеи, изложенные в учебнике по “Введению в языковедение” (1947, 1955 и др. издания), значительно расширили круг терминологических проблем и стали источником формирования “терминологического сознания филологов” [48, с. 154] в период, когда работы терминологов были недостаточно известны филологам того времени, а затем и филологам новых поколений⁷. Но, с другой стороны, А. А. Реформатский не отступает от радикального прескриптивного понимания терминологических проблем, в результате чего “учебник Реформатского внес свой вклад в ликвидацию научной категории — л о г о с а т е р м и н а “как живой научной мысли” [48, с. 157], исправить которую было очень трудно. Поэтому А. А. Реформатскому удалось частично это сделать через разграничение научно-описательного и прескриптивного подходов к термину только на втором этапе развития терминоведения, когда он наметил проблему “лексиса” и “логоса” в терминологических исследованиях [45, с. 108].

Второй этап развития терминоведения был остаточен парадоксален: с одной стороны, как было уже отмечено, он ознаменовался признанием терминоведения самостоятельной наукой, что обусловило ожидание господства собственно терминологических методов исследования, но этого не произошло.

Дело в том, что это был период “поворота” лингвистов к проблемам термина и терминологий, который произошел после первого Всесоюзного

⁶ Так, все отечественные и многие зарубежные терминологии знают крылатую фразу Г. О. Винокура из этой работы: “Термины — это не особые слова, а только слова в особой функции”, но не всегда точно интерпретируют её.

⁷ Кто только ни цитировал ставшее крылатым высказывание А. А. Реформатского о термине как “*слуге двух хозяев: системы понятий и системы терминов*”, в том числе и в нашей работе по сущности термина [19, с. 5].

совещания по вопросам терминологии (май 1959 г.). На нем с докладом “Что такое термин и терминология”, вошедшим в классику терминоведения, выступил А. А. Реформатский, а со “Вступительным словом” — академик В. В. Виноградов, подчеркнувший, что проблемы термина и терминологии входят в *теорию общего языкознания* (выделено нами — З. К., А. Д.), а “история терминологии той или иной сферы науки, культуры, производственной деятельности — это вместе с тем повесть о закономерностях развития знаний о природе и обществе” [8, с. 6].

Этим обусловлен период “лингвоцентрического терминоведения” [1, с. 22] с переходом на структурно-функциональную парадигму, в рамках которой продолжалась разработка исследуемой проблемы.

Показательной для того периода является монография В. П. Даниленко “Русская терминология: опыт лингвистического описания” (1977), в которой поднимается вопрос о функционировании грамматических категорий в терминологии.

Следовательно, в этот период преодолеть прескриптивный подход к термину, терминологии и терминосистеме пока не удалось.

Однако это способствовало плодотворному развитию идей Д. С. Лотте терминологами ККТ, наиболее ярким представителем которого была Татьяна Леонидовна Канделаки (1921–1987). Её монография “Семантика и мотивированность термина” (1977) вошла в золотой фонд отечественного терминоведения, поскольку многие её терминологические идеи были новаторскими. Прежде всего это касается рассматриваемой нами проблемы *категориального подхода к терминам и терминосистемам*.

При этом монографии предшествовал цикл работ Т. Л. Канделаки 60-х годов по данной проблеме. Так, в работе “Система научных понятий и система терминов” (1965) характеризуются онтологические отношения в системе четырех понятийных категорий по Д. С. Лотте.

А через внутрикатегориальные и межкатегориальные отношения осуществляется структуризация понятийной системы и её формирование из подсистем различных уровней.

В монографии Т. Л. Канделаки, опираясь на терминологические исследования Д. С. Лотте и других представителей КТТ, а также на существующие лингвистические работы (Ю. Д. Апресяна, Г. О. Винокура, В. П. Даниленко, П. Н. Денисова, Е. А. Земской, Н. Г. Комлева, Л. Л. Кутиной, В. В. Лопатина, А. И. Моисеева, А. А. Реформатского, А. И. Смирницкого, А. Н. Тихонова, И. С. Улуханова, Ф. П. Филина и др.), обобщила изучение проблемы соотношения плана содержания и плана выражения термина и проблемы асимметрии термина. Она сопоставила две группы систем: 1) систему понятий теории, науки (являющаяся объектом рассмотрения в соответствующей науке) и 2) две языковые, хотя и не полностью совпадающие системы: а) систему значений естественно сложившейся неупорядоченной терминологии и б) систему значений, выявляемую в процессе упорядочения терминологии [14, с. 8].

С помощью оригинальной методики, которую Т. Л. Канделаки назвала родо-видовой [14, с. 5], т.к. в качестве основной мотивировки

используется классификационный родовой признак ближайшего рода, а для добавочной мотивированности используются классификационные признаки видовых отличий. С позиции ономаσιологического подхода она выделила в научно-технической терминологии девять предельно широких семантических групп — *категорий*: 1) *категорию предметов*, 2) *категорию процессов*, 3) *категорию свойств*, 4) *категорию состояний*, 5) *категорию величин*, 6) *категорию единиц измерения*, 7) *категорию наук, отраслей*, 8) *категорию режимов*, 9) *категорию профессий и занятий* [14, с. 9].

В монографии по этой методике детально изучается категория процессов в научно-технической терминологии, которую ещё Г. О. Винокур назвал “основной логической категорией труда и техники” [9, с. 12]. На материале молдавского языка эта категория была изучена М. В. Подико.

Третий этап — этап зрелости терминоведения как науки — сопровождался осознанием интегративного характера терминоведения, которое находится как бы на пересечении четырёх групп наук: лингвистических, логико-философских, математических и предметных (≈ 3000 наук, среди которых особое место занимает семиотика) [38, с. 218–223].

Несколько забегаая вперед, отметим, что к концу этого периода, а затем к началу XXI века на базе интеграции всех этих научных областей произошел методологический синтез, при котором “идея междисциплинарного синтеза была отрефлексирована и сформулирована как ключевая идея методологического обновления” [42, с. 43]. Начала формироваться группа собственно-методологических наук, к которым, кроме традиционных — философии, эпистемологии, методологии, логики — вошли современные науки: информатика, кибернетика, современная интегративная лингвистика [12, с. 157] и современное терминоведение.

На этом этапе продолжилось изучение терминов в категориальном аспекте по методике, разработанной Т. Л. Канделаки. Так, В. Е. Бутрим ставит задачу “проанализировать подобным методом термины ещё одной категории — *категории свойств*” [7, с. 27], которая оказывается значительно менее сложной, чем категория процессов. В категории свойств научно-технических терминов В. Е. Бутрим выявляет всего лишь четыре модели значения, тогда как в категории процессов их несколько десятков.

Автор выявляет интересный факт: термины из категории свойств довольно часто переходят в категорию величин, и в этом случае они построены по другой модели [7, с. 36].

По модифицированной модели Т. Л. Канделаки нами было проведено изучение терминов категории процессов агрономического подъязыка. Исследование показало продуктивность этой методики, которая позволила выявить высокий “градус изоморфности” (термин Л. Л. Кутиной) семантических моделей агрономических и технических терминов, обследованных Т. Л. Канделаки. Различия оказались только количественные и в способах вербализации значений. Сходство же было ещё и в очень сложной организации категории процессов, манифестирующих разные типы научного знания: технического и агрономического. Так, в проведенном исследовании категория процессов имеет очень сложную иерархическую организацию, состоящую из семи уров-

ней иерархии, включающей 2 класса, 4 подкласса, 6 типов, 4 подтипа, 34 ЛСГ, 35 подгрупп, 11 семантических серий терминов [22, с. 441].

Кстати, если сравнить вербализацию общеязыковой категории процессов, манифестированных общенародными глаголами, то, по данным проблемной группы “Русский глагол” Уральского университета, выявлено менее сложное устройство: четыре иерархические ступени, включающие три поля, 19 подполей, которые формируются общей совокупностью 108 ЛСГ и 76 подгруппами [22, с. 390].

Следует отметить, что именно в этот период начинается изучение отраслевых терминологических систем с категориальных позиций. Так, нами в течение нескольких лет проводилось изучение категориального состава русской сельскохозяйственной терминосистемы в синхронном аспекте (конец 80-х и начало 90-х годов XX века). При этом учитывались обе сферы бытования терминов: сфера фиксации (сельскохозяйственные словари и справочники) и сфера функционирования (76 источников научной литературы по отрасли).

Исследование показало наличие всех девяти универсальных категорий, выявленных Т. Л. Канделаки в языке техники. При этом ядро сельскохозяйственной терминосистемы составляют термины категории предметов (от 40,2 % до 70,7 %), последнее место по численности занимают термины категории величин (от 4,8 % до 9,6 %). Второе и третье место в понятийной системе занято соответственно терминами категории процессов (явлений) и категории свойств. Другие категории очень различаются по концептуальным подсистемам, и их количественный состав обусловлен составом этих подсистем. Помимо универсальных понятийных категорий, в ряде подсистем имеются с п е ц и ф и ч е с к и е понятийные категории. Так, в подсистеме “Почвоведение” выявлено восемь специфических категорий: *химия почв, физика почв, генезис почв, орошение почв* и др. [21, с. 50].

Как показывают приведенные примеры, категориальное обследование целых терминосистем в этот период — это только единичные явления, тогда как исследование отдельных категорий — явление более частотное, но чаще отдельные категории изучались в пределах общенародного языка (к примеру, М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский) по категории пространства в современном русском языке), нежели в пределах специальных языков (см., например, работу В. А. Татарина по категории смежности (констеллятивности); в языкознании — категории номинации, местоименности, функциональности; в медицине — категория болезней; в живописи — категория цвета и пространства и т. д.). Особо следует отметить цикл работ Г. Г. Самбуровой, в котором обосновывается идея о структурнообразующей роли категорий в терминосистемах.

Четвертый этап обозначен нами этапом терминоведения как метадисциплины и периодом перехода к антропоцентрической и когнитивно-дискурсивной парадигмам. Интересно, что на этом этапе произошел возврат к терминологической традиции креативности термина, идущей ещё от П. А. Флоренского, который в статье “Термин” (1922), перепечатанной в 1989 году, назвал термин “культивированной единицей”,

которой свойственно “живое” усилие мысли, наибольшее обнаружение ее напряженности ..., наибольшая напряженность словесной антиномичности” [52, с. 41]. Вернулась позиция понимания внутренней формы как ведущего элемента системы воплощения научной мысли в термине.

Исходя из этого, термин понимается как “квант научного знания” [47, с. 396], обладающий полиморфизмом.

Как указывает известный австрийский терминолог Р. Теммерман в книге “О новых путях описания терминологии: социокогнитивный подход” (2000), новое терминоведение базируется на четырех гносеологических установках: 1) наличие единицы понимания; 2) принцип неоднозначности; 3) креативная функция языка; 4) развитие категорий во времени. Исходя из этого, современное терминоведение имеет две основные задачи: первая — теоретическая разработка понимания категорий и вторая — теоретическая разработка взаимодействия лексикализации и категоризации.

Такая целенаправленность когнитивного терминоведения обуславливает в качестве ведущих методов и методик выдвижение прототипического анализа и анализа когнитивных моделей. В нашей стране в таком аспекте выполнены работы по языку техники [40], в третьей главе которой “Прототипическая семантика и явления категоризации” предлагается комплексная методика выявления ядра и периферии языка техники как категории [40, с. 35–43]. На основе этой методики проводится выявление прототипической организации пропозиции для каждого номинативного класса.

В монографии известного отечественного терминоведа Л. Ю. Буяновой “Термин как единица логоса” [5] л о г о с понимается “как метод объединения смыслов”, а потому в работе выявляется взаимозависимость концептуального, понятийного и терминообразовательного аспектов естественнонаучной терминологии, на базе чего выстраивается концептуально-категориальная организация её деривационной системы. В заключение выводятся функции, которые выполняет в пространстве научной коммуникации термин как когнитивно-кодовый феномен, будучи элементом логоса.

В её же последней монографии, наряду с другими проблемами, рассматривается к а т е г о р и а л ь н о - п о н я т и й н а я с е т ь как ментально-понятийная основа языка русской науки с учетом двух основных “ментальных конструкторов”: понятия и категории [6, с. 118–140].

Однако следует подчеркнуть, что в отечественном когнитивном терминоведении по сравнению с зарубежным существует более широкая проблематика, в основе которой лежат разработанные в когнитологии понятия: к о н ц е п т, к о н ц е п т у а л и з а ц и я, к а т е г о р и я, к а т е г о р и з а ц и я, ф р е й м, п р о т о т и п и д р.

При этом терминология рассматривается как результат когнитивной деятельности человека, как концептуальная информация, которая уже стала продуктом человеческой обработки и структуризации знаний.

При таком понимании накопление знаний для осмысления понятия к а т е г о р и я с разных позиций в современной научной литературе настолько трудно обозримо, что можно выявить только основные направления, назвать исследователей и привести единичные примеры.

Первое направление теоретических и практических исследований ориентировано на осмысление понятия научный концепт в сопоставлении с языковым концептом (Л. М. Алексеева, Л. Ю. Буянова, М. Н. Володина, Е. И. Голованова, В. И. Карасик, З. И. Комарова, В. Г. Кульпина, В. М. Лейчик, Л. А. Манерко, С. Л. Мишланова, В. Ф. Новодранова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, М. Б. Талапина, В. А. Татаринев, С. Д. Шелов, M. Cabre, R. Temmerman, P. Weissenhofer и др.).

Так, сопоставление научных и языковых концептов (на материале фитонимических) показало значительное расхождение в структуре концептов и характере выявляемых признаков.

“Слоистость” научных концептов и широкий диапазон понятийных признаков обусловлены тем, что терминированный концепт предстает как “квант” теоретизированного мира, в котором соединились знания об объективной действительности (“мир растений”) с “категориальной сеткой” (таксономией, или систематикой растений), выработанной биологами-систематиками [23, с. 85].

Второе направление — языковая концептуализация vs научная концептуализация (Л. Г. Бабенко, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Л. А. Запевалова, Ю. Г. Кокорина, З. И. Комарова, С. В. Краев, Е. С. Кубрякова, Л. В. Лаенко, М. В. Пименова, И. Г. Рытова, М. А. Симоненко, А. А. Шагеева и др.).

Подчеркивая взаимосвязь языковой и научной концептуализации и их “сопряжение”, исследователи обычно показывают, что концептуализация мира наивными носителями языка никогда не происходит на уровне логических операций, т. к. языковая концептуальная система исходит из логики языка, а не логики науки. Основу научной логики составляют метаязыки различных наук: математики, физики, химии и т. д. Основа языковой логики — язык и та система категорий, которая традиционно именуется системой языковых (лексических и грамматических) категорий [43, с. 122; 48, с. 122].

Третье направление — языковая категоризация vs научная категоризация (О. О. Борискина, Е. А. Бочарникова, В. Б. Гольдберг, Т. В. Дроздова, Ю. Г. Кокорина, А. А. Кретов, Н. А. Кудрина, Г. Н. Манаенко, В. Ф. Новодранова, М. В. Пименова, М. М. Руссо, И. Г. Серова и др.).

При рассмотрении точек соприкосновения языковой (естественной) и научной категоризации представляется логичным выявление их сходств и различий. К сходствам можно отнести общность их основной цели, заключающейся в познании человеком окружающего его мира, общую направленность — от перцептивного опыта к абстрактному, от единичного к общему, а также общности некоторых механизмов, например, метафоризации.

Следует отметить, что научная категоризация всегда в большей или меньшей степени учитывает результат естественной категоризации, т. е. языковая категоризация является как бы субстратом научной.

Отличия представляются как в самих основаниях двух видов категоризации, так и в принципах их организации и развития.

Научная категоризация отличается осознанным и целенаправленным характером, обусловленными четко поставленными задачами, для решения которых каждая наука обладает своим методологическим и практическим инструментарием. Естественная категоризация осуществляется стихийно, постепенно и более медленно: достаточно сравнить “возраст” истории человечества и истории науки.

Различия в глубине и системности категоризации.

Различие в более четком и детальном структурировании и высоком уровне абстракции научной категоризации [35, с. 188–189].

Четвертое направление — языковая категория vs научная категория (Е. В. Алтабаева, Т. В. Белошапкина, Г. И. Берстнев, А. Н. Беседина, Н. Н. Болдырев, А. Е. Бочкарев, Е. И. Голованова, Н. А. Голубева, А. С. Дедюхина, И. Н. Ивашкевич, Л. А. Запелалова, Т. А. Клепикова, З. И. Комарова, Е. С. Кубрякова, Ж. Н. Маслова, Н. Ю. Петрова, Е. А. Пименов, Е. М. Позднякова, В. А. Садинова, М. А. Симоненко, Л. А. Телегин, А. Фурс и др.).

Различия в строении языковых и научных категорий обусловлено разными основаниями этих двух категоризаций. Научные категории отличаются системностью, большей глубиной, более четким и детальным структурированием и более высоким уровнем абстракции. Научная категория базируется на научной логике и является метаязыковой. Языковая категория, как мы уже говорили, базируется на языковой логике, т. е. существует в индивидуальном и коллективном сознании носителей языка и отражается в их коммуникативной деятельности.

Пятое направление — языковая картина мира vs научная картина мира (Ю. Д. Апресян, А. В. Виноградов, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, З. И. Комарова, В. А. Маслова, М. В. Пименова, Г. Н. Плотникова, З. Д. Попова, В. И. Постовалова, Б. А. Серебренников, И. А. Стернин, Е. В. Урысон, А. М. Шахнарович и др.).

Как отмечает В. И. Карасик, к числу онтологических характеристик языковой картины мира относятся следующие признаки: 1) наличие имен концептов; 2) неравномерная концептуализация разных фрагментов действительности в зависимости от их важности для жизни соответствующего этноса; 3) специфическая комбинаторика ассоциативных признаков этих концептов; 4) специфическая квалификация определенных предметных областей; 5) специфическая ориентация этих областей на ту или иную сферу общения [17, с. 129–130], которые, кроме первого, не свойственны научной картине мира.

Научная картина мира фиксирует целостное видение предмета данной науки, которое складывается на определенном этапе её истории и меняется с переходом от одного этапа к другому.

Шестое направление — фрейм и прототип как средства познания (Л. Ю. Буянова, А. С. Дедюхина, Т. А. ван Дейк, С. А. Иванова, Л. В. Ивина, В. Б. Касевич, С. В. Киселев, З. И. Комарова, М. Минский, Е. С. Кубрякова, И. Дж. Филлмор, Л. А. Шарандин и др.).

Отметим, что фрейм и прототип широко используются в когнитивной лингвистике и когнитивном терминоведении в исследовании самых разных аспектов, проблем и направлений.

К примеру, фрейм используется при анализе отраслевой терминосистемы венчурного финансирования [13]. В работе показано, что англоязычная терминосистема венчурного финансирования представляет собой сложнейшую фреймовую структуру. А в процессе исследования терминосистемы фрейм выступает в трех ипостасях: с онтологической точки зрения он отражает структуру организации конкретного вида научно-практической деятельности; с гносеологических позиций является отражением этой деятельности в процессе все более глубокого проникновения в её суть, т. е. выступает как результат познания; в когнитивном плане — это не что иное, как формализованная организация полученных знаний в человеческом познании [13, с. 113].

Седьмое направление — типология языковых категорий vs типология научных категорий (Н. Н. Болдырев, В. Б. Гольдберг, А. С. Дедюхина, Л. А. Запезалова, З. И. Комарова, Е. С. Кубрякова, Г. Н. Маченко, Ж. Н. Маслова, В. А. Садикова, В. А. Татаринев, Т. В. Хвесько и др.).

В целом сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, в философии, языкознании и терминоведении осознано, что категориальный строй мышления выступает в качестве необходимой предпосылки и условия всякой познавательной деятельности, — с другой, — точное число категорий ни философских, ни языковых, ни научных не установлено [15; 26–31; 48].

Причину этого В. А. Татаринев усматривает в том, что “категории, определяемые как формы мыслительной деятельности, сами оказываются “бесформенными”, “бестелесными”. В этом заключена одна из причин “открытости” списка категорий как идеальных сущностей” [48, с. 102].

Что касается типологии категорий, то результаты исследований по типологическим языковым и научным категориям (формальным, семантическим, эволютивным, функциональным и др.), на которые следует опираться при изучении общих и специальных языков, — “до сих пор весьма скудны” [48, с. 304].

Более того, “вряд ли возможно построить типологию категорий на каком-либо едином принципе или даже предвидеть сведение реального многообразия категорий к их конечному списку” [34, с. 18].

Итак, завершая анализ категориального подхода к общим (в лингвистике) и специальным (в терминоведении) языкам, отметим, что “наибольшую гносеологическую ценность в терминологии имеют те когитальные⁸ свойства терминов, которые приобрели категориальный статус” (выделено нами — З. К.; А. Д.) [48, с. 220].

Все сказанное позволяет утверждать, что эвристический потенциал категорий практически неисчерпаем, а потому актуальность дальнейших изысканий по этой проблеме непреходящая [26–30; 34, с. 17], поскольку

⁸ Под когитальными (термин В. А. Татаринев) понимаются те свойства терминов, в которых фокусируют логико-понятийные аспекты содержания мыслительных операций.

только сквозь призму категорий можно показать “конструирование” мира в целом через языковое существование человека” [53, с. 5].

1. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. — Пермь, 2002. — 200 с.
2. Андрющенко В. М., Караулов Н. Союз информатики и языкознания // Язык и логическая теория. — М., 1987. — С. 5–13.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — 423 с.
4. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — №2 (008) — С. 5–23.
5. Буянова Л. Ю. Термин как единица логоса. — Краснодар, 2002. — 185 с.
6. Буянова Л. Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность: Монография. — Ставрополь, 2010. — 283 с.
7. Бутрим В. Е. Особенности семантики терминов категории свойств // Современные проблемы русской терминологии. — М., 1986. — С. 24–38.
8. Виноградов В. В. Вступительное слово // Вопросы терминологии. — М., 1961. — С. 3–10.
9. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИИФЛИ: Сб. ст. по языкознанию. — 1939. — Т. V. — С. 3–54.
10. Всеволодова М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. — 2009. — № 3. — С. 76–99.
11. Данилевская Н. В. Чередование старого и нового знания как механизм развития научного текста (аксиологический аспект): Дисс. ... д-ра филол. наук. — 2006. — 401 с.
12. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. — М., 2004. — 208 с.
13. Ивина Л. В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминотем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). — М., 2003. — 304 с.
14. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. — М., 1977. — 167 с.
15. Канке В. А. Философия науки: краткий энциклопедический словарь. — М., 2008. — 328 с.
16. Кант И. Сочинения: В 6 т. — М., 1964. — 742 с.
17. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград, 2002. — 477 с.
18. Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке. — М., 2010. — Вып. VII. — 551 с.
19. Комарова З. И. Лексико-семантическое пространство глаголов и их синтаксических дериватов в специальных областях знания // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм. — Екатеринбург, 1997. — С. 391–441.
20. Комарова З. И. О сущности термина // Термин и слово. — Горький, 1979. — С. 3–13.
21. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание. — Свердловск, 1991. — 156 с.
22. Комарова З. И. Семантические проблемы русской отраслевой терминографии: Дисс. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 1992. — 401 с.
23. Комарова З. И. Проблема мотивированности термина в различных научных парадигмах // Детская речь как лингвокреативная деятельность. Формы и механизмы лингвокреативной деятельности. — Екатеринбург, 2008. — С. 139–153.
24. Комарова З. И., Плотникова Г. Н. О соотношении фитонимических концептов в языковой и научной картине мира // Проблемы языковой концептуализации и категоризации мира. — Екатеринбург, 2006. — С. 70–86.
25. Комарова З. И., Шагеева А. А. Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте: Монография. — Екатеринбург, 2009. — 249 с.

26. Комарова З. И., Дедюхина А. С. Репрезентация категории партитивности в статике и динамике (в русском и английском языках): Монография. — Екатеринбург, 2010. — 318 с.
27. Комарова З. И., Дедюхина А. С. Суперкатегория партитивности как тип понятийной и языковой категории // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке. — М., 2010. — Вып. VII. — С. 482–492.
28. Комарова З. И., Дедюхина А. С. Методологические и методические основы изучения категории партитивности в современном языкознании // Вестник Пермск. гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 2. — С. 35–41.
29. Комарова З. И., Запелова А. А. Функционально-семантическая категория единичности в русском и английском языках: Монография. — Екатеринбург, 2010. — 236 с.
30. Комарова З. И., Запелова Л. А. Категория как формат знания: предпосылочного и выводного (на материале категории единичности) // Терминология и знание: Мат-лы II Междунар. симпозиума. — М., 2010. — С. 105–121.
31. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1997. — 245 с. (сокращ. — КСКТ).
32. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М., 2004. — 500 с.
33. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2009. — № 1. — С. 5–13.
34. Кубрякова Е. С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке. — М., 2010. — Вып. VII. — С. 13–18.
35. Кудрина Н. А. Взаимовлияние естественной и научной категоризации мира // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке. — М., 2010. — Вып. VII. — С. 188–196.
36. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. — М., 1988. — Вып. 23. — С. 12–51.
37. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам и мышлению. — М., 2004. — 792 с.
38. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. — М., 2006. — 256 с.
39. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. — М., 1961. — 107 с.
40. Манерко Л. А. Язык современной техники: ядро и периферия: Монография. — Рязань, 2000. — 140 с.
41. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. — М., 2004. — 256 с.
42. Методологический синтез: прошлое, настоящее и возможные перспективы. — М., 2005. — 302 с.
43. Пименова М. В. Естественная категоризация в языке (на примере концептов внутреннего мира) // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке. — М., 2010. — Вып. VII. — С. 119–129.
44. Проблемы представления (репрезентации) в языке: типы и форматы знаний. — М., 2007. — 309 с.
45. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1967. — С. 109–125.
46. Светлов А. А. История научного метода. — М., 2008. — 585 с.
47. Стёпин В. С. Теоретическое знание. — М., 2000. — 744 с.
48. Татаринцов В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. — М., 2006. — 528 с.
49. Терминология и знание: Мат-лы I Междунар. симпоз. — М., 2009. — 220 с.
50. Терминология и знание: Мат-лы II Междунар. симпоз. — М., 2010. — 271 с.
51. Типы знания и их репрезентация в языке. — Тамбов, 2008. — 311 с.
52. Флоренский П. А. Термин // Вопросы языкознания. — 1989. — № 1. — С. 38–51.

53. Халина Н. В. История русского литературного языка: языковое существование России X–XX вв.: Монография. — Барнаул, 2009. — 476 с.
54. Юзвизин И. И. Основы информатиологии. — М., 2000. — 744 с.
55. Язык и структуры представления знаний. — М., 1992. — 142 с.
56. Rosch E. et al. Basis Objects in Natural Categories // Cognitive Psychology. — 1976. — № 8. — P. 382–436.

Z. Komarova, A. Dedyukhina

CATEGORY AS KNOWLEDGE FORMAT IN COGNITIVE LINGUISTICS,
COGNITIVE TERMINOLOGY, SCIENCE PHILOSOPHY:
THE PAST AND THE PRESENT

This paper proves that underlying, conceptional category from the cognitive views is knowledge format. The necessity of synthesis of traditional and innovative interpretation is justified. Basic scientific results of studying language categories in common and scientific categories in special sublanguages are shown.

Key words: prior knowledge, conceptualized knowledge, category, knowledge format cognitive linguistics, cognitive terminology.